

В.М. Васнецов

† Святая княгиня Евдокия. 1885–1893

Икона святой Сергий Радонежский
благословляет Дмитрия Донского

княжеская чета с большей частью своего народа успели затвориться в Кремле. Не в силах войти в Кремль, Ольгерд принялся сжигать все окрестности Москвы. Опять гибли люди. Московское княжество восстанавливается из пепла. Через два года Ольгерд повторно предпринял поход на Москву, так же разоряя окрестности и сжигая многие деревни. Всем сердцем скорбя за погибших, Евдокия не переставала помогать страждущим. И вновь испытания. Ярлык на великое княжение был передан Михаилу Тверскому. Московский князь Дмитрий Иванович, с благословения митрополита Алексия и преподобного Сергия Радонежского, едет в Орду. Весь народ вышел провожать князя далеко за московские стены, каждый понимал, что государь едет сохранять Русь от новых татарских набегов, может быть, ценой своей жизни. Прошло несколько томительных, скорбных месяцев для Евдокии и ее народа, месяцев неустанной молитвы о помощи. Великий князь сумел расположить хана в свою пользу, вновь был утверждён в своем звании. Многогрудальное Отечество получило передышку перед предстоящими испытаниями.

Благословение преподобного Сергия Радонежского

Отрывки из книги Бориса Зайцева
«Преподобный Сергий Радонежский»

18 августа Дмитрий с князем Серпуховским Владимиром, князьями других областей и воеводами приехал в Лавру. Вероятно, это было и торжественно, и глубоко серьезно: Русь в правду собралась. Москва, Владимир, Суздаль, Серпухов, Ростов, Нижний Новгород, Белозерск, Муром, Псков с Андреем Ольгердовичем — впервые двинуты такие силы. Тронулись не зря. Все это понимали.

Начался молебен. Во время службы прибывали вестники — война и в Лавру шла, — докладывали о движении врага, предупреждали торопиться. Сергий упросил Дмитрия остаться к трапезе.

Здесь он сказал ему:

— Еще не пришло время тебе самому носить венец победы с вечным сном; но многим, без числа сотрудикам твоим плетутся венки мученические.

После трапезы Преподобный благословил князя и всю свиту, окропил святой водой. Замечательно, что летопись и тут, в минуту будто бы безнадежную, приводит слова Сергия о мире. <...>

Димитрий опустился на колени. Сергий снова осенил его крестом.

— Иди, не бойся. Бог тебе поможет.

И, наклонившись, на ухо ему шепнул: «Ты победишь».

Великий князь прослезился. Так это или нет, теперь сказать уже трудно, а поверить следует: Димитрий шел действительно на «смертный бой». Есть величавое, с трагическим оттенком — в том, что помощниками князю Сергий дал двух монахов-схимников: Пересвета и Ослябю. Воинами были они в миру, и на татар пошли без шлемов, панцирей, — в образе схимы, с белыми крестами на монашеской одежде. Очевидно, это придавало

войску Димитрия священно-крестоносный облик. Вряд ли двинулись бы рыцари-монахи в мелкую войну из-за уделов. <...>

8 сентября 1380 года! Хмурый рассвет, Дон и Непрявда, Куликово поле и дух Слова о полку Игореве. Русь вышла снова в степь, мериться со зверем степи. Как все глубоко напряженно и серьезно! Перед сражением молятся. Читают «ратям» грамоту Преподобного. Над ставкой черный стяг великокняжеский с золотым образом Спасителя. Осенние туманы, медленный рассвет, холодно-серебряный. Роса, утренний холод. За Неправдой не то стоны, не то грохот дальний. Люди умываются, подтягивают у коней подпруги, надевают чистые рубахи и в последний раз оружие свое отрагивают. Строятся. Идут на смерть. Грусть и судьба — и неизбежность. Ясно, что возврата нет. <...>

К полудню показались и татары. Димитрий выехал драться лично, «в первом суйме», передовой стычке. Таков обычай. Ранен не был, но доспех помяли. Тут же, по преданию, на зов татарского богатыря выехал Пересвет, давно готовый к смерти, и, схватившись с Челибеем, поразив его, сам пал.

Началась общая битва на гигантском по тем временам фронте, в десять верст. Сергий правильно сказал: «Многим плетутся венки мученические». Их было сплетено немало.

Преподобный же в эти часы молился с братией у себя в церкви. Он говорил о ходе боя. Называл павших и читал заупокойные молитвы. А в конце сказал: «Мы победили». <...>

Дикари безудержно кинулись на Европу, и Европа вместе с воодушевлением показала и древнейше ей известный, с Аннибала, маневр охвата фланга.

Преследование — вероятно конницей — шло целый день, до реки Красивой Мечи. Предсказание Сергия исполнилось: Димитрий возвратился в Москву победителем и вновь посетил Преподобного. Служили вновь молебны, но и панихиды. Потери были колоссальны. Церковь не забыла убиенных. С тех пор по всей России служатся особенные панихиды, в «димитровские субботы», около 26 октября, дня святого Димитрия — отголосок той великой грусти, что сопутствовала битве.

Самая победа — грандиозна, и значение ее, прежде всего, моральное: доказано, что мы, мир европейский, христианский, не рабы, а сила и самостоятельность. Народу, победившему на Куликовом поле, уже нельзя было остаться данником татарщины.

◀ ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ
Страница летописи

П.В. Рыженко
ПОЛЕ КУЛИКОВО

**«Вы, дети мои, живите злобно,
а матери своей слушайтесь
во всем...»**

...Недолго длилась радость победы на поле Куликовом. Еще не успела земля Русская оправиться от страшных потерь, как новый враг — татарский хан Тохтамыш — стал угрожать Русскому государству. Князь Дмитрий Донской поехал в Кострому, чтобы собрать ополчение для отражения нашествия Тохтамыша. В это время в Москве начался мятеж. Начались беспорядки, грабежи. Тохтамыш взял и разорил Москву со всеми окрестностями. Татары едва не захватили в плен великую княгиню и ее детей, которая бежала в Кострому к мужу...

Никто не в силах передать ту нечеловеческую скорбь, которую испытали Евдокия и Дмитрий, увидев родную Москву разоренною. Жители были или убиты, или тяжело ранены, церкви Божии разграблены. И снова начали они восстановление города. Евдокия помогала всем — и раненым, и вдовам, и сиротам, и погорельцам, и потеряв-

шим своих родных и близких. Для многих она стала словно родная мать, к которой люди шли с последней своей надеждой, — и великая княгиня никого не оставляла без внимания, несмотря на свои личные скорби, разделяла горе народа, брала на себя беды каждого.

Евдокия соединяет в себе два несоединимых поприща. И в супружеской жизни она достойна подражания, и в иноческой.

Если сказать, что Евдокия сильно любила своего мужа — это значит не сказать ровным счетом ничего. Великая княгиня во всей полноте исполнила заветы Христовы, действительно стала неотъемлемой частью Дмитрия, так же как и он стал неотъемлемой частью ее самой. Вряд ли можно представить более теплые и искренние чувства супругов друг к другу. Их семейные отношения состояются и поныне мерилом любви, верности и полного взаимопонимания....

Любовь супругов лучше всего отразилась в детях. Господь даровал им четырех дочерей и восемь сыновей: Данила, Василия, Симеона, Юрия, Петра, Андрея, Иоанна, Константина. Сызмальства Евдокия прививала чадам любовь к Богу, верность Отечеству, чувство долга и почитание родителей. А они, видя перед собой жизненный пример матери, старались подражать ей.

В.В. Владимирцов
КОНЧИНА ДМИТРИЯ
ДОНСКОГО. 1910-е

► Икона БОГОМАТЕРЬ
ВЛАДИМИРСКАЯ. XVII век

Скоро на долю Евдокии выпало тяжелое материнское испытание. Когда Тохтамыш разорил Москву, давние недруги Дмитрия захотели вновь завладеть великокняжеским престолом. Единственный путь избежать кровопролитных междоусобных войн были мирные переговоры хана и Московского князя. Однако здоровье Дмитрия после Куликовской битвы сильно пошатнулось, и супруги решили отправить в ханскую ставку своего первенца, двенадцатилетнего Василия, в знак лояльности к Орде.

Весной 1383 года Евдокия вновь стояла у дороги, провожая на этот раз сына. Сердце матери сжималось от мысли, что ее чадо может не вернуться, что его могут убить хитрые татары. Как и прежде, Евдокия все упование возложила на Бога. Переговоры прошли успешно. Хан принял дары и согласился оставить за Москвой великокняжеский ярлык, однако не хотел отпускать просто так юного князя. Он потребовал выкуп — 8 000 рублей, а до выплаты Василий оставался пленником ордынского властителя. Эта сумма была немислима для разоренного Московского княжества, и Дмитрий не стал облагать и без того бедствующий народ новым налогом. Оставалось только надеяться на Бога и ждать лучшего разрешения.

После двухлетней разлуки Василий пришел из плена. Радость наполнила царские чертоги и сердце матери.

Так жизнь Евдокии протекала среди постоянных скорбей, горестей и непрерывных душевных страданий. Пришло еще одно, тяжелейшее. Тяжело заболел Дмитрий. Евдокия проводила бессонные ночи, стоя на коленях и молясь за умирающего супруга. Перед кончиной Дмитрий призвал супругу, сыновей и бояр, зачитав свое духовное завещание. В нем он призывал детей слушать во всем мать, словно его самого. Окончив свои распоряжения и наставления, Дмитрий обнял Евдокию и детей, благословил их и простился с ними в последний раз. Затем сложил руки на груди и предал Богу свою святую душу. Это совершилось 19 мая 1389 года.

История сохранила плач великой княгини Евдокии:

«Зачем умер ты, дорогой мой, зачем оставил меня вдовой?.. Зачем я не умерла прежде тебя?.. Куда зашел свет очей моих? Куда скрылось сокровище жизни моей? Почто не отвечаешь мне, супруге твоей? Цвет мой прекрасный, зачем так рано увял ты?.. Господин мой, что не смотришь на меня, не отвечаешь мне?.. Ужель ты забыл меня?.. Рано заходишь,

Владимирская икона Божией Матери

3 июня, 6 июля и 8 сентября (21 мая, 23 июня и 26 августа)

Шел 1395 год. И вдруг новая беда подступила к Москве. Татары, во главе с ханом Тамерланом, вновь шли войной. В Москве стали наскоро собирать ополчение, но не хватало бойцов. Тамерлан уже вторгся, разоряя пограничные города и села.

Василий, помолившись и взяв у матери и митрополита Киприана благословение, выдвинулся с малым войском навстречу врагу по той же дороге, по которой шел некогда отец на поле Куликово. Сердце Евдокии разрывалось от тревог за первенца и Русскую землю. Она усугубила свою молитву. Силы были заведомо неравные, небольшая московская дружина вряд ли могла одолеть яростное татарское войско. Спасти Русь могло только чудо.

И чудо пришло! Усилив свои молитвы, великая княгиня вместе с митрополитом Киприаном решили перенести в Москву из Владимира чудотворную

икону Владимирской Богоматери. Преподобная понимала, что если народ не принесет достойный плод покаяния, не очистится духовно, то неминуемая смерть ждет всех.

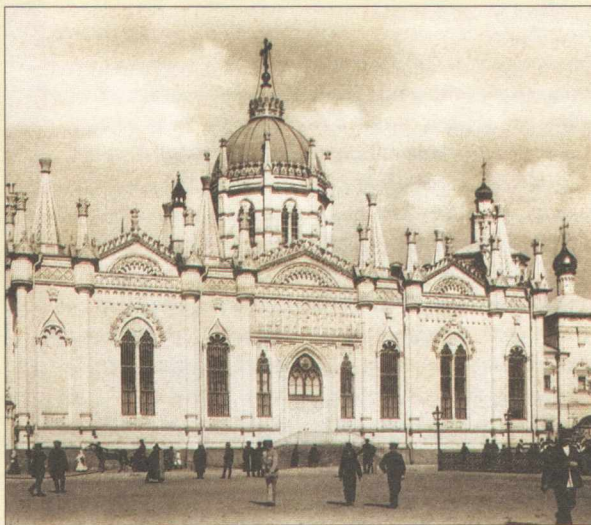
«Тысячи людей вышли встречать Владимирскую икону. Ист-

радавшиеся люди пали ниц, громко рыдая, едва заведя образ Царицы Небесной. Стоя на коленях, едиными устами со своей государыней люди зывали: «Мать Божия, спаси землю Русскую!» В тот самый день, когда москвичи встречали икону, произошло чудо. Тамерлан прилет отдохнуть, и в сонном видении явилась ему светозарная Жена с грозным видом, повелев оставить пределы русские. Татарский хан тотчас встал, приказал собраться и повернул свои рати обратно в степь. Русь была спасена, чему во многом способствовала и великая княгиня Евдокия.

А. Рублев
▲ АРХАНГЕЛ
МИХАИЛ

▼ ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ
В КРЕМЛЕ. Открытка
Конец XIX — начало XX века

солнце мое, рано скрываешься, прекрасный месяц мой, рано идешь к западу, звезда моя восточная!.. Где честь твоя, где слава и власть твоя?.. Был государем всей Русской земли, а ныне мертв и ничего не имеешь во своем владении!.. Много примирил стран, много одержал побед, а ныне сам побежден смертью!.. Зачем помрачился, свет мой ясный?.. Как оплакать и как выразить мне свое горе?.. Боже Великий, Царю Царей, будь моим заступником! Пресвятая Богородица! Не оставь меня и не забудь меня во всей печали моей!»

Имея горячее желание оставить мирские попечения, но послушная во всем воле супруга, Евдокия стала соправительницей своему сыну и полноправной главой семьи. Она давала мудрые советы сыну, старалась вникать в нужды граждан, творить дела милосердия. Строила храмы и монастыри. Самая известная ее постройка — Вознесенский монастырь и церковь Рождества Богородицы в Кремле, возведенная в память о Куликовской битве.

Тайный подвиг

Совершенствуясь в добродетели, Евдокия взяла на себя подвиг тайного подвижничества. Будучи в миру на высокой и почетной должности, она, по сути, отреклась от всего земного, наложив на себя строжайший пост и проводя ночи в непрестанной молитве, лишь на несколько часов ложась спать на жесткое ложе — только для того, чтобы дать краткий отдых телу. Но недоброжелатели пустили по дворцу мерзкие слухи, стали обвинять великую княгиню в пышности, невоздержании, тщеславии, ставя под сомнение даже ее целомудрие. Но княгиня не стала наказывать клеветников, приняв все как волю Божию. В глубине души она решила перенести до конца неправды клеветников и воздать им за зло добром.

Однако хульные речи достигли ее сыновей, глубоко оскорбив их. Тогда преподобная призвала к себе всех чад и сказала: «Не смущайтесь, любезные дети мои! Я с радостью хотела претерпеть Христа ради всякое унижение и людское злословие, но увидев одного из вас смутившимся, решила открыть вам то, чего не открыла бы никому в мире. Узнайте, дети мои, истину и да не смущают вас дошедшие до вас несправедливые клеветы обо мне». С этими словами она приоткрыла часть одежд своих, и сыновья ее увидели поражающую воображение картину: от великого воздержания, от усиленных трудов и подвигов, от вериг тело ее

А.М. Васнецов
КРЕМЛЬ ПРИ ИВАНЕ III. 1921

иссохло и почернело, а плоть практически прилипла к костям. Братья ужаснулись, осознав истину. Тот же час хотели они наказать клеветников, но Евдокия запретила им, заповедав даже не говорить о ее подвигах хотя бы до ее смерти.

Однажды Евдокия находилась в своем великокняжеском тереме, занимаясь обычными своими делами. Внезапно комната наполнилась светом и тонким неземным ароматом — перед княгиней предстал ангел, блистающий словно молния. В страхе упала ниц Евдокия и потеряла дар речи. Но ангел, ободрив и успокоив преподобную, указал день кончины великой княгини, призвав незамедлительно принять постриг. Будучи не в состоянии рассказать о случившемся, Евдокия знаками призвала иконописца, повелев ему написать образ ангела. Вскоре икона была готова. Евдокия, помолившись, приложилась к образу, но так и не смогла произнести ни слова. Иконо-

писец заново написал образ, но уже другого ангела. Евдокия так же, помолвившись, приложилась к нему, но так и не смогла говорить. Тогда после молитвы мастер взялся писать икону Архистратига Михаила. И вот, увидав ее, глаза великой княгини просияли, на лице появилась радостная улыбка, и лишь только она приложилась к образу, как тут же смогла говорить. Она поместила икону, ставшую знаком избавления ее от немоты, в храм Рождества Богородицы в Кремль на самое почетное место.

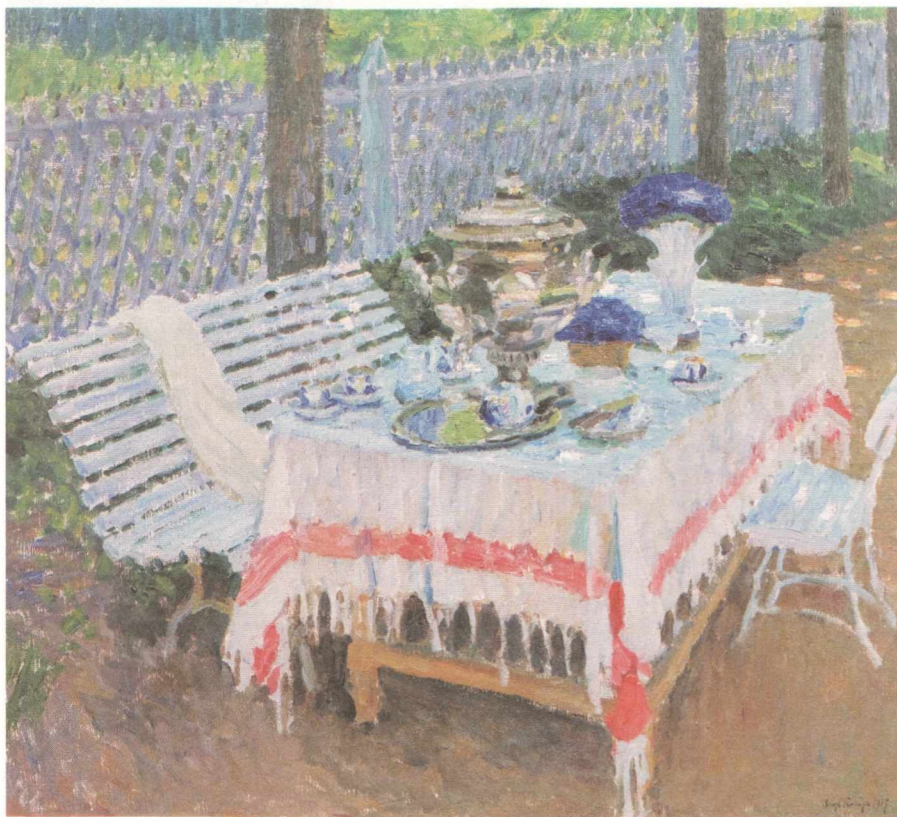
Великая княгиня незамедлительно приняла монашеский образ, в своем любимом Вознесенском монастыре постриглась с именем Евфросиния, что означало радость. Именно радостью и матерью была она для многих москвичей и после своей праведной кончины остается покровительницей Москвы. Ее память отмечается 30 мая и 20 июля (17 мая и 7 июля).

От Вознесения до Троицы

Иван Шмелев. Отрывок из книги «Лето Господне»

На Вознесенье пекли у нас лепенки из теста — «Христовы лепенки», и ели их осторожно, перекрестясь. Кто лепенку сломает — в рай и не вознесется, грехи тяжелые. Бывало, несешь лепенку со страхом, ссунешь на край стола и кусаешь ступеньку за ступенькой. Горкин всегда уж спросит, не сломал ли я лепенку, а то поговей Петров-

ками. Так повелось с прабабушки Устиньи, из старых книг. Горкин ей подсалтырник сделал, с шпечками, точеный, и послушал ее наставки; потому-то и знал порядки, даром что сроду плотник. А по субботам, с Пасхи до Покрова, пекли ватрушки. И дни забудешь, а как услышишь запах запеченного творога, так и знаешь: суббота нынче.

И.Э. Грабарь
УТРЕННИЙ ЧАЙ
(УТРЕННИЙ ЧАЙ
В АЛЛЕЕ). 1917

И.Э. Грабарь
▶ ВЕСЕННИЙ ВЕТЕРОК
Этюд. 1905

Весенний дождь

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаясь, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

Афанасий Фет
1857 (?)

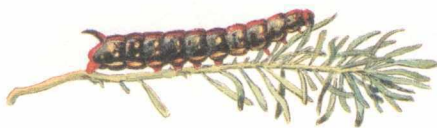

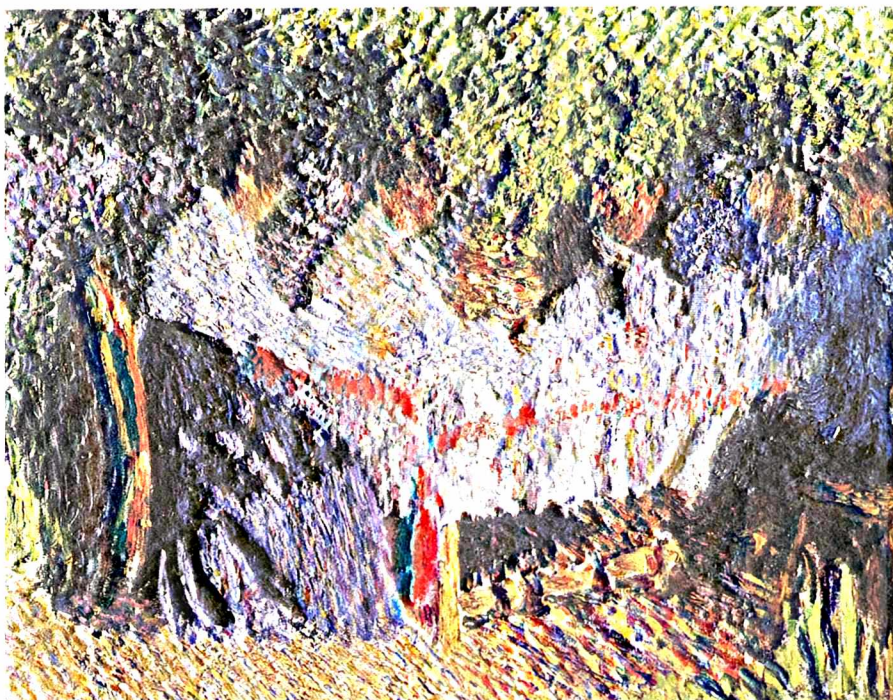
Пахнет горячими ватрушками, по ветерку доносит. Я сижу на досках у сада. День настояще летний. Я сижу высоко, ветки берез вьются у моего лица. Листочки до того сочные, что белая моя курточка обзеленилась, а на руках — как краска. Пахнет зеленой рощей. Я умываюсь листочками, тру лицо, и через свежую зелень их вижу я новый двор, новое лето вижу. Сад уже затенился, яблони — белые от цвета, в сочной, густой траве крупно желтеет одуванчик. Я иду по доскам к сирени. Ее клонит от тяжести кистями. Я беру их в охапку, окунаюсь в душистую прохладу и чувствую капельки росы. Завтра все обломают, на образа. Троицын день завтра.

Детские народные стишки

Мышь пищит,
Каравай тащит,
А еще попищит,
И другой утащит.

Улитка, улитка,
Покажи свои рога,
Дам кусок пирога,
Пышки, ватрушки,
Сдобной лепешки.

И.Э. Грабарь
ПОСЛЕОБЕДЕННЫЙ ЧАЙ

К.А. Коровин
► БУМАЖНЫЕ ФОНАРИ
1896

Небольшие ватрушки

Ватрушки готовятся из разного теста. Замесив его, разрезать на 12–15 кусков, каждый кусок раскатать скалкой на столе величиною с маленькое блюдечко, подсыпая муки; на каждый кружок положить по ложке начинки, красиво защипать края, оставляя середину открытою, переложить на лист, смазанный маслом, смазать яйцом края теста, вставить в горячую печь минут на 15–20. Как только зарумянятся и легко будут сдвигаться с листа, знак, что готовы.

Тесто очень хорошее

1/4 фунта масла растереть добела, всыпать ложечку соли ровно с краями и 2 ложечки сахара, стакан муки ровно с краями, вбивая 2 желтка и подливая почти 1/2 стакана молока.

Рассыпчатое тесто на сметане

Из 1/4 фунта масла, 1/2 фунта сметаны, ложечки соли ровно с краями и 2 ложек сахара замесить не очень крутое тесто. Раскатать очень тонко. Сделать пирог или ватрушки с творогом, фруктовым шоре, вареньем, или свежую чернику, или свежими вишнями.

Пирог из рассыпчатого теста со свежей малиною, земляникою или смородиною

Приготовить какое-нибудь рассыпчатое тесто, раскатать, сделать круглый или продолговатый пирог, смазать яйцом, поставить в духовую печь.

Когда наполовину будет готов, выдвинуть из печи, живо покрыть его вышепоименованными ягодами, которые предварительно перебрать, сполоснуть в холодной воде, откинуть на сито.

Когда обсохнут, переложить в каменную чашку.

Выложив ягоды на пирог, сровнять их, осыпать $\frac{1}{2}$ или 1 стаканом сахара и снова в печь.

Подавая, можно покрыть их слоем взбитых сливок.

Ватрушки с творогом

Приготовить какое-нибудь тесто, покрыть творогом, приготовленным следующим образом:

1 фунт свежего, из-под пресса, творога растереть, протереть сквозь решето, положить $\frac{1}{8}$ фунта масла, ложки две сметаны, $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$ стакана сахара, 1–3 желтка, размешать до гладкости.

Прибавить, кто хочет, $\frac{1}{4}$ стакана изюма.

Такие ватрушки подаются и к кофе, и к щам.

Из поваренной книги Елены Молоховец, 1901

Пропорция пряностей

В тесто для сладких пирогов и ватрушек кладутся для вкуса различные пряности, так, например, на 1 фунт муки 10 зерен кардамона, или 5 капель лимонного масла, или $\frac{1}{2}$ вершка истолченной с сахаром ванили, или цедры с $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ лимона, или 20 сладких миндалин, поджаренных на чистой сковороде до золотистого цвета и истолченных, или апельсиновый, мелко нашинкованный цукат.

День Святой Троицы

Пятидесятый день после Пасхи
Переходящий праздник

Суббота перед праздником Святой Троицы называется Троицкой родительской субботой, это день особого поминовения усопших.

Святой Дух был послан апостолам на пятидесятый день после Воскресения Христова. И сразу ученики получили чудесный дар — говорить на разных, неизвестных им ранее языках, для того, чтобы идти по земле и проповедовать Слово Божие.

Кажется, вся земля, вся Россия в этот день расцветает вместе с распускающимися березовыми листочками, цветами, которыми украшены храмы, дома. Так красиво обычно убирает хозяйка свое жилище в чей-то день рождения. А нынче — День рождения Христиан-

ской Церкви. Вознесшийся Господь, как и обещал, ниспослал на землю Святой Дух. Теперь Они в святом единстве — Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух. Троица нераздельная.

«Что воздух для жизни тела, то Дух Святой для жизни души. Душа посредством молитвы дышит этим святым, таинственным воздухом», — писал святитель Игнатий (Брянчанинов).

Понедельник, следующий за Днем Святой Троицы, также является церковным праздником и именуется Днем Святого Духа. В этот день совершается особое празднование в честь Святого Духа — третьего Лица Святой Троицы.

Тропарь, глас 8:

*Благословен еси, Христе Боже наш,
Иже премудры ловцы явлей,
низпослав им Духа Святаго,
и теми уловлей вселенную,
Человеколюбче, слава Тебе.*

Андрей Рублев
ТРОИЦА. 1422–1427

Земля именинница

Василий Никифоров-Волгин

Керезы под нашими окнами журчали о приходе Святой Троицы. Сядешь в их засень, сольешься с колебанием сияющих листьев, зажмуришь глаза, и представится тебе пересветная и струистая дорожка, как на реке при восходе солнца; и по ней в образе трех белоризных ангелов шествует Святая Троица.

Накануне праздника мать сказала:

— Завтра земля именинница!

— А почему именинница?

— А потому, сынок, что завтра Троицын день сойдется со святым Симоном Зилотом, а на Симона Зилота — земля именинница: по всей Руси мужики не пашут!

— Земля именинница!

Эти необычайные слова до того были любы, что вся душа моя засветилась.

Я выбежал на улицу. Повстречал Федьку с Гришкой и спросил их:

— Угадайте, ребята, кто завтра именинница? Ежели угадаете, то я куплю вам боярского квасу на две копейки!

Ребята надулись и стали думать. Я смотрел на них, как генерал Скобелев с белого коня (картинка такая у нас).

Отец не раз говорил, что приятели мои Федька и Гришка не дети, а благословение Божие, так как почитают родителей, не таскают сахар без спроса, не лазают в чужие сады за яблоками и читают по печатному так ловко, словно птицы летают. Мне было радостно, что таким умникам я загадал столь мудреную загадку.

Они думали-думали и наконец признались со вздохом:

— Не можем. Скажи.

Я выдержал степенное молчание, высморкался и с упоением ответил:

— Завтра земля именинница!

Они хотели поднять меня на смех, но потом, сообразив что-то, умолкли и задумались.

— А это верно, — сказал серьезный Федька, — земля в Троицу завсегда нарядная и веселая, как именинница!

А.А. Пластов
ЛЕТОМ

И.И. Левитан
▶ БЕРЕЗОВАЯ РОЩА. 1889

Ехидный Гришка добавил:

— Хорошая у тебя голова, Васька, да жалко, что дураку досталась!

Я не выдержал его ехидства и заревел.

Из окна выглянул мой отец и крикнул:

— Чего ревешь? Сходил бы лучше с ребятами в лес за березками!

Душистое и звенящее слово «лес» заставило дрогнуть мое сердце. Я перестал плакать. Примиренный схватил Федьку и Гришку за руки и стал молить их пойти за березками.

Взяли мы из дома по ковриге хлеба и пошли по главной улице города с песнями, хмельные и радостные от предстоящей встречи с лесом. А пели мы песню сапожников, проживавших на нашем дворе:

*Моя досада — не рассада:
Не рассадишь по грядам;
А моя кручина — не лучина:
Не сожжешь по вечерам.*

Нас остановил пузатый городской Гаврилыч и сказал:

— Эй вы, банда! Потише!

В лесу было весело и ярко до изнеможения, до боли в груди, до радужных кругов перед глазами.

Повстречались нам в чаще дровосеки. Один из них — борода, что у лесовика, — посмотрел на нас и сказал:

— Ребята живут, как ал цвет цветут, а наша голова вянет, что трава...

Было любо, что нам завидуют и называют алым цветом.

Перед тем как пойти домой с тонкими звенящими березками, радость моя была затуманена.

Выйдя на прилесье, Гришка предложил нам погадать на кукушку — сколько, мол, лет мы проживем.

Кукушка прокуковала Гришке восемьдесят лет, Федьке шестьдесят пять, а мне всего лишь два года.

От горькой обиды я упал на траву и заплакал:

— Не хочу помирать через два года!

Ребята меня жалели и уговаривали не верить кукушке, так как она, глупая птица, всегда врет.

И только тогда удалось меня успокоить, когда Федька предложил вторично «допросить» кукушку.

Я повернул заплаканное лицо в ее сторону и сквозь всхлипывание стал просить вещую птицу:

— Кукушка, ку-у-ку-шка, прокукуй мне, сколько же на свете жить?

На этот раз она прокуковала мне пятьдесят лет. На душе стало легче, хотя и было тайное желание прожить почему-то сто двадцать лет...

Возвращались домой при сиянии звезды-вечерницы, при вызоренных небесах, по тихой росе. Всю дорогу мы молчали, опускали горячие лица в духмяную березовую листву и одним сердцем чувствовали: как хорошо жить, когда завтра земля будет именинница!

Приход Святой Троицы на наш двор я почувствовал рано утром в образе солнечного предвосхody, которое заполнило нашу маленькую комнату тонким сиянием. Мать уставно за-тепляла лампаду перед иконами и шептала:

— Пресвятая Троица, спаси и сохрани...

Пахло пирогами, и в этом запахе чувствовалась значительность наступающего дня. Я встал с постели и наступил согретыми ночью ногами на первые солнечные лучи — утренники.

— Ты что в такую рань? — шепнула мать. — Спал бы еще.

Я деловито спросил ее:

— С чем пироги?

— С рисом.

— А еще с чем?

— С брусничным вареньем.

— А еще с чем?

— Ни с чем.

— Маловато, — нахмурился я, — а вот Гришка мне сказывал, что у них сегодня шесть пирогов и три каравая!

— За ним не гонись, сынок... Они богатые.

— Отрежь пирога с вареньем. Мне очень хочется!

— Да ты, сынок, фармазон, что ли, али турка? — всплеснула мать руками. — Кто же из православных людей пироги ест до обедни?

— Петро Лександрыч, — ответил я, — он даже и в посту свинину лопаает!

— Он, сынок, не православный, а фершал! — сказала мать про нашего соседа фельдшера Филиппова. — Ты на него не смотри. Помолись лучше Богу и иди к обедне.

По земле-имениннице солнце растекалось душистыми и густыми волнами. С утра уже было знойно, и все говорили — быть грозе!

Ждал я ее с тревожной, но приятной настороженностью — первый весенний гром!

Перед уходом моим к обедне пришла к нам Лида — прачкина дочка, первая красавица на нашем дворе, и, опустив ресницы, стыдливо спросила у матери серебряную ложку.

— На что тебе?

— Говорят, что сегодня громовой дождь будет, так я хочу побрызгать себя из серебра дождевой водицей. От этого цвет лица бывает хороший!

Сказала и заяснилась пунцовой зорью.

Я посмотрел на нее, как на золотую чашу во время литургии, и, заливаясь жарким румянцем, с восхищением и радостной болью, воскликнул:

— У тебя лицо, как у ангела-хранителя!

Все засмеялись. От стыда выбежал на улицу, спрятался в садовой засени и отчего-то закрывал лицо руками.

Именины земли Церковь венчала чудесными словами, песнопениями и длинными таинственными молитвами, во время которых становились на колени, — а пол был устлан цветами и свежей травой. Я поднимал с пола травинки, растирал их между ладонями и, вдыхая в себя горькое их дыхание, вспоминал зеленые разбеги поля и слова бродяги Яшки, исходившего пешком всю Россию: «Зеленым лугом пройдуся, на синее небо нагляжуся, алой зоренькой ворочуся!»

После обеда пошли на кладбище поминать усопших сродников. В Троицын день батюшки и дьякона семи городских церквей служили на могилах панихиды. Около белых кладбищенских врат кружилась, верещала, свистела, кричала и пылила ярмарка.

Безногий нищий Евдоким, сидя в тележке, высоким рыдающим голосом пел про Матерь Божию, идущую полями изусеянными и собирающую цветы, «дабы украсить живоносный гроб Сына Своего Возлюбленного». Около Евдокима стояли бабы и, пригорюнившись, слушали. Деревянная чашка безногого была полна медными монетами. Я смотрел на них и думал: «Хорошо быть нищим! Сколько на эти деньги конфет можно купить!»

Отец мне дал пятак (и в этом тоже был праздник). Я купил себе на копейку боярского квасу, на копейку леденцов (четыре штуки) и на три копейки «пильсиннаго» мороженого. От него у меня заныли зубы, и я заревел на всю ярмарку.

Мать утешала меня и говорила:

— Не брался бы, сынок, за городские сладости! От них всегда наказание и грех!

Она перекрестила меня, и зубы перестали болеть.
На кладбище мать посыпала могилку зернами
(птицам на поминки), а потом служили панихи-
ду. Троицкая панихида звучала светло, «и жизнь
бесконечная», про которую пели священники,
казалась тоже светлой, вся в цветах и в березках.

Не успели мы дойти до дома, как на землю
упал гром. Дождь вначале рассыпался круглыми
зернинками, а потом разошелся и пошел грему-
чим «косохлестом». От веселого и большого дож-
дя деревья шумели свежим широким говором
и густо пахло березами.

Я стоял на крыльце и пел во все горло:

*Дождик, дождик, перестань,
Я поеду на Иордань —
Богу молиться, Христу поклониться*

На середину двора выбежала Лида, подставила
дождю серебряную ложечку и брызгала милое лицо
свое первыми грозowymi дождинками.

Радостными до слез глазами я смотрел на нее
и с замиранием сердца думал: «Когда я буду боль-
шим, то обязательно на ней женюсь!»

И чтобы поскорее вырасти, я долго стоял под
дождем и вымочил до нитки свой новый праздни-
чный костюм.

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Иван Шмелев. Отрывок из книги «Лето Господне»

Солнце слепит глаза, кто-то отдернул занавеску. Я жмурюсь радостно: Троицын день сегодня! Над моей головой зеленая березка, дрожит листочками. У кивота, где Троица, тоже засунута березка, светится в ней лампадочка. Комната кажется мне другой, что-то живое в ней.

На мокром столе в передней навалены всякие цветы и темные листья ландышей. Все спешат набирать букетцы, говорят мне — тебе останет-

ся. Я подбираю с пола, но там только рвань и веточки. Все нарядны, в легких и светлых платьях. На мне тоже белое все, пикейное, и все мне кричат: «Не обзеленись!» Я гуляю по комнатам. Везде у икон березки. И по углам березки, в передней даже, словно не дом, а в роще. И пахнет зеленой рощей.

На дворе стоит воз с травой. Антипушка с Гаврилой хватают ее охапками и трусят по всему двору. Говорят, еще подвезут возок. Я хожу по траве

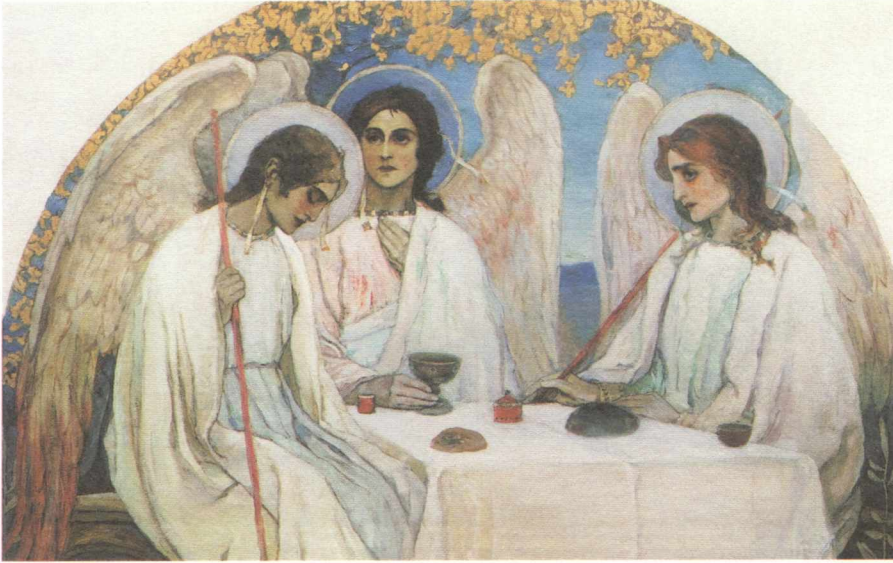
В.В. Верещагин
ТРОИЦЫН ДЕНЬ. СЕЛО
КОЛОМЕНСКОЕ. 1880-е

Б.М. Кустодиев
▶ ЛЕТНИЙ
ПРАЗДНИК. 1923

и радуюсь, что не слышно земли, так мягко. Хочется потрусить и мне, хочется полежать на травке, только нельзя: костюмчик. Пахнет, как на лужку, где косят. И на воротах поставлены березки, и на конюшне, где медный крест, и даже на колодце. Двор наш совсем другой, кажется мне священным. Неужели зайдет Господь во Святой Троице? Антипушка говорит: «Молчи, этого никто не может знать!» Горкин еще до света ушел к Казанской, и с ним отец.

Мы идем все с цветами. У меня ландышки, и в середке большой пион. Ограда у Казанской зеленая, в березках. Ступеньки завалены травой так густо, что путаются ноги. Пахнет зеленым лугом, размятой сырой травой. В дверях ничего не видно от березок, все задевают головами, раздвигают. Входим как будто в рощу. В церкви зеленоватый сумрак и тишина, шагов не слышно, засыпано все травой. И запах совсем особенный, какой-то густой, зеленый, даже немножко душно. Иконостас

чуть виден, кой-где мерцает позолотца, серебрецо, — в березках. Теплятся в зелени лампадки. Лики икон в березках кажутся мне живыми — глядят из рощи. Березки заглядывают в окна, словно хотят молиться. Везде березки: они и на хоругвях, и у Распятія, и над свечным ящиком-закутком, где я стою, словно у нас беседка. Не видно певчих и крылосов, — где-то поют в березках. Березки и в алтаре — свешивают листочки над Престолом. Кажется мне от ящика, что растет в алтаре трава. На амвоне насыпано так густо, что диакон путается в траве, проходит в алтарь Царскими воротами, задевает плечами за березки, и они шелестят над ним. Это что-то... совсем не в церкви! Другое совсем, веселое. Я слышу — поют знакомое: «Свете тихий», а потом вдруг то самое, которое пел мне Горкин вчера, редкостное такое, страшно победное: «Кто Бог велий, яко Бо-ог наш? Ты еси Бо-ог, тво-ря-ай чу-де-са-а-а!..»

Я смотрю на Горкина — слышит он? Его голова закинута, он поет. И я пробую петь, шепчу.

Это не наша церковь: это совсем другое, какой-то священный сад. И пришли не молиться, а на праздник, несем цветы, и будет теперь другое, совсем другое, и навсегда. И там, в алтаре, тоже — совсем другое. Там, в березках, невидимо, смотрит на нас Господь, во Святой Троице, таинственные Три Лица, с посошками. И ничего не страшно. С ними пришли березки, цветы и травы, и все мы, грешные, и сама земля, которая теперь живая, и все мы кланяемся Ему, а Он отдыхает под березкой. Он теперь с нами, близко, сов-

сем другой, какой-то совсем уж свой. И теперь мы не грешные. Я не могу молиться. Я думаю о Воробьевке, о рощице, где срубил березку, о Кавказке, как мы скакали, о зеленой чаще... слышу в глуши кукушку, вижу внизу, под небом, маленькую Москву, дождик над ней и радугу. Все это здесь, со мною, пришло с березками: и березовый легкий воздух, и небо, которое упало, пришло на землю, и наша земля, которая теперь живая, которая — именинница сегодня.

Я стою на коленках и не могу понять, что же читает батюшка. Он стоит тоже на коленках, на амвоне, читает грустно, и золотые ворота закрыты. Но его книжечка — на цветах, на скамейке, засыпанной цветами. Молится о грехах? Но какие теперь грехи! Я разбираю травы. Вот это — подорожник, лапкой, это — крапивка, со сладкими белыми цветочками, а это, как веерок, — манжетка. А вот одуванчик, горький, можно пицалку сделать. Горкин лежит головой в траве. В коричневом кулаке его цветочки, самые полевые, которые он набрал на Воробьевке. Почему он лицом в траве? Должно быть, о грехах молится. А мне ничего не страшно, нет уже никаких грехов. Я насыпаю ему на голову травку, он смотрит одним глазом и шепчет строго: «Молись, не балуй, глупый... слушай, чего читают». Я смотрю на отца, рядом. На белом пиджаке у него прицеплен букетик ландышей, в руке пионы. Лицо у него веселое. Он помахивает платочком, и я слышу, как пахнет флердоранжем, даже сквозь ландыши. Я тяну к нему свой букетик, чтобы он понюхал. Он хитро моргает мне. В березке над нами солнышко.

Народ выходит. Горкин с отцом подсчитывает свечки и медяки, записывает в книгу. Я гуляю по церкви, в густой, перепутанной траве. Она почернела и сбилась в кучки. От ее запаха тяжело дышать, такой он густой и жаркий. У иконы Троицы я вижу мою березку, с пояском Горкина. Это такая радость, что я кричу: «Горкин, моя березка!.. И поясок на ней твой... Горкин!» Они грозятся от ящика — не кричи. Я смотрю на Святую Троицу, а Она, Три Лица, с пошкками, смотрит весело на меня.

Я хожу по зеленому, праздничному двору. Большая наша лужа теперь как прудик, бережки у нее зеленые. Андрейка вкопал березку и разлегся. Ложусь и я, будто на бережку. Проходит Горкин и говорит Андрейке, что землю нынче грешно копать, земля именинница сегодня, тревожить не годится, за это, бывало, вихры нарвут. Хочет отнять березку, но я прошу. «Ну, Господь с вами, — говорит он задумчиво, — а только непорядок это».

После обеда народу никого не остается, везут и меня в Сокольники. Так и стоит наш двор, зеленый, тихий, до самой ночи. Может быть, и входил Господь? Этого никто не знает, не может знать.

Ночью я просыпаюсь... — гром? В занавесках мигает молния, слышен гром. Я шепчу: «Свят-свят, Господь Саваоф!» — крещусь. Шумит дождик, и все сильнее, уже настоящий ливень. Вспоминаю, как говорил мне Горкин, что «и громком, может, погрозится». И вот как верно! Троицын день прошел; начинается Духов день. Потому-то и желоба готовил. Прошел по земле Господь и благословил, и будет лето благоприятное.

Березка у кивота едва видна, ветки ее поникли. И надо мной березка, шуршит листочками. Святые они, Божьи. Прошел по земле Господь и благословил их и все. Всю землю благословил, и вот — благодать Господня шумит за окнами.

Б.М. Кустодиев
ТРОИЦЫН ДЕНЬ. 1920

Троицын день

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

В этот день по всей Руси отправляется народное празднество завивания венков, семейного каравай и хороводных игр. В завивании венков сохранились следы древнего гадания русских девушек о своих суженых. Семейный каравай выражает остатки какого-то древнего, теперь нам непонятного торжества. В местных обрядах замечаем только, что из всего народного празднества остались едва заметные следы древнего верования в гадание о будущем.

Рано утром в городах и селах убирают дома березкою и цветами, пекут караваи, сзывают гостей, завивают венки из березы и цветов для старых и молодых людей. В полдень, после обеда, начинается празднество молодых людей. В старину бабка-позыватка повецала по всем домам и сзывала девушек на гульбище. Хороводница, с караваем в руках, выходила на улицу и запевала зазывную песню. К ней со всех сторон сбирались девушки с своими матушками и нянюшками. С толпою народа она от-

На поляне, на лугу
Гнулася березонька, —
Завивали девушки,
Лентой украшали,
Березоньку прославляли:
— Бelayя березонька,
Ходи с нами гулять,
Пойдем песни играть!

П.А. Суходольский
ТРОИЦЫН ДЕНЬ. 1884

И.И. Левитан
▶ ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН. 1892

правлялась в рощу. На широкой поляне расстилась скатерть, и каравай, убранный цветными венками, после троичких песен клался на скатерть. Народ рассыпался семейными кружками полдневать. В это время пожилой народ занимался угощением родных и знакомых, а молодежь завивала венки. Здесь братцы завивали цветные венки для своих сестриц. Случалось часто, что сестрицы такие венки успевали скрытно передавать суженым, по наказу

братцев. Троичкий веноч считался неизменным вестником брачного обета. С венками на голове, молодежь начинала разыгрывать хороводы, сначала отдельными кругами, где участвовали родные и знакомые, а потом в мирском круге соединялись все, под защиту матушек и нянюшек. С окончанием хороводов начиналась игра горелки. Вечером уже возвращались из рощи прямо к реке, где молодой народ бросал свои венки в воду.

Хороводы

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Русские хороводы, украшая собою нашу семейную жизнь, представляются столько же древними, сколько древна наша жизнь. Жили ли предки наши дома, они занимались играми, плясками, хороводами; были ли они на побоище, они воспевали родину в своих былинах. С веселых пиров Владимира песни разносились по всей Руси и переходили из рода в род. Прежние наши гуслиры, вдохновители русской народной поэзии, вид-

ны поселе еще в запевалях, хороводницах, свахах. Как гуслиры в старину открывали песнями великокняжеские пиршества, так наши запевалы и хороводницы составляют хороводы и пляски. Есть люди, указывающие нам на бывшее действие, но нет верного указания, когда начались наши хороводы. История хороводов заключается в преданиях, а все наши народные предания говорят о былом, как о настоящем времени, без указаний дней

Б.М. Кустодиев
ПРАЗДНИК
В ДЕРЕВНЕ. 1919

М.В. Боскин
▶ ХОРОВОД. 1910-е

Во лесу, во лесочке
Росла травка-муравка, —
До пояса доросла,
Березку обвила.
Мы веночки плели,
Березоньку завивали,
Кукушечку выкликали:
— Кукушечка-ряба,
Проводи нас до двора!

и лет; говорят, что делали наши отцы и деды, не упоминая ни места действия, ни самих лиц.

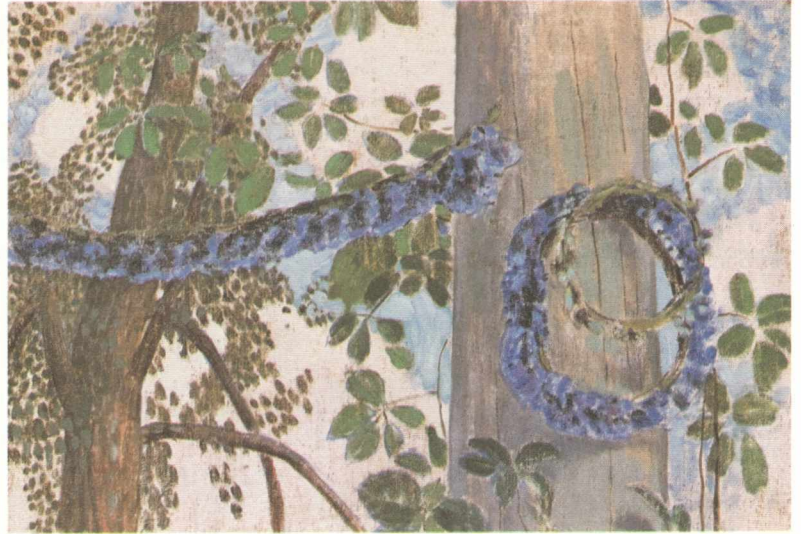
Первоначальное значение хоровода, кажется, потеряно навсегда. Мы не имеем никаких источников, указывающих прямо на его появление в Русской земле, и поэтому все предположения остаются ничтожными. Было счастливое время, когда наши филологи производили хоровод от греческих и латинских слов. Счастливым было то время, когда наши умники верили, что наш хоровод происходит от греческого слова *Χορὸς αἰθεο* — ступая в хоре; невозвратны и те наслаждения, когда с торжеством произносили, что хоровод заключается в словах: *Χοροῦ* — лик поющих и пляшущих, *αἰω* — веду. Утешны и споры филологов. Латин-

цы отыскивали созвучие у Горация в IV книге, седьмой оде, — *horos ducere* — вести хоры, лики, и утверждали первенство за собой. Всматриваясь в это изыскание, как в предположение, находим, что оно прекрасно, что оно открыло труженикам мечтательное созвучие в словах, но кто поручится, что это было так? Кто докажет нам, что русские, вводя в свою семейную жизнь игры, составили свой хоровод из латинского выражения Горация? Много, очень много есть прямых указаний, как русские умели заимствовать из Греции обряды для своей жизни, и во всем этом мы только находим приблизительные указания. Очевиднейшей нечего и искать: их нет у нашего народа, когда предания передают былое нам о старой жизни.

К.Е. Маковский
ДЕВОЧКА В ПЛАТКЕ

В.Э. Борисов-Мусатов
ВЕНКИ ВАСИЛЬКОВ. 1905

Хороводы мы встречаем у всех славянских племен. Литовцо-русы хоровод переименовали в корогод. Богемцы, хорваты, карпато-русы, морлаки, далматы обратили его в *kolo* — круг. Славянское коло также сопровождалось песнями, плясками и играми, как и русский хоровод. Подобные изменения мы находим и в русских селениях. Поселяне Тульской, Рязанской и Московской губерний, говоря о хороводниках, выражаются: «Они пошли тонки водить». В слове тонки мы узнаем народную игру толоки, в которой игроки ходят столпившись, как в хороводе.

Важность русских хороводов для нашей народности столь велика, что мы, кроме свадеб, ничего не знаем подобного. Занимая в жизни русского народа три годовых эпохи: весну, лето и осень, хороводы представляют особенные черты нашей народности: разгул и восторг. Отделяя народность от простонародья, мы в ней открываем творческую

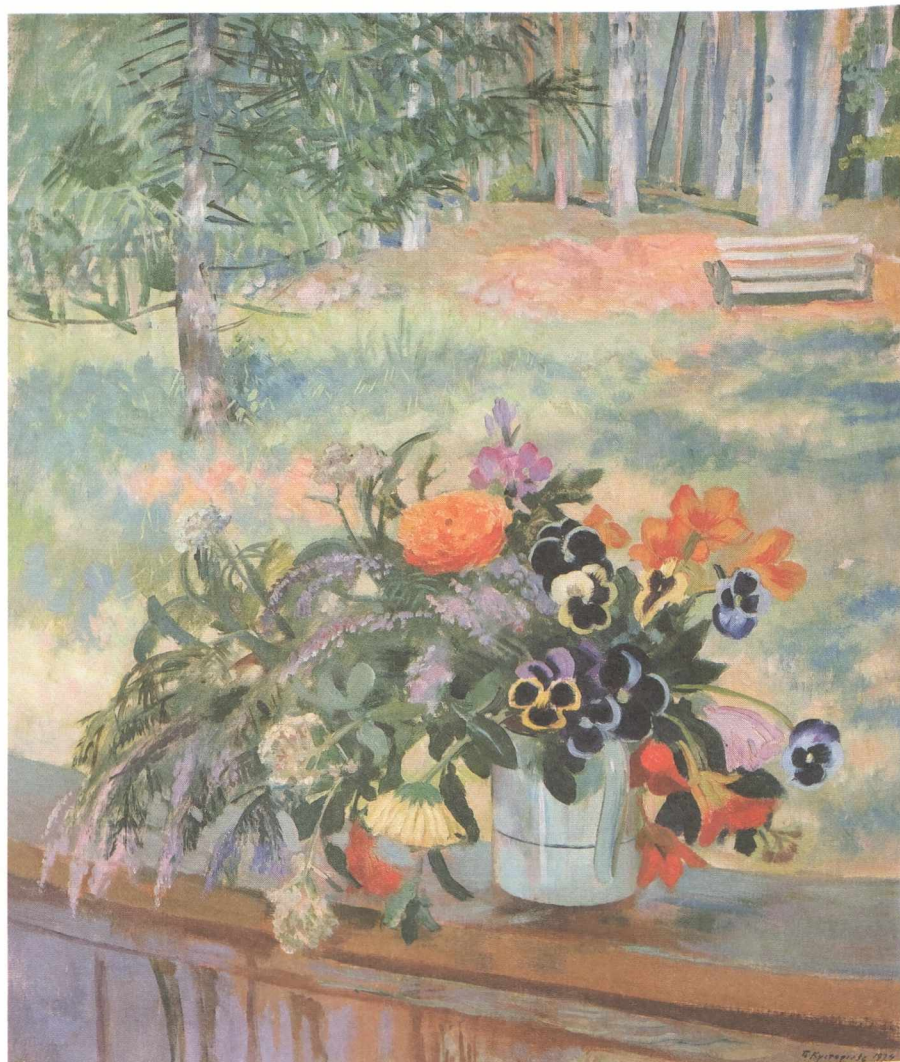
силу народной поэзии, самобытность вековых созданий. В этом только взгляде наша народность ничего не имеет подобного. Отнимите у русского народа поэзию, уничтожьте его веселый разгул, лишите его игр, и наша народность останется без творчества, без жизни. Этим-то отличается русская жизнь от всех других славянских поколений, от всего мира.

Русские хороводы доступны всем возрастам: девы и женщины, юноши и старики равно принимают в них участие. Девы, окруженные хороводницами, изучают песни и игры по их наставлениям. В нашей хороводнице сохраняются следы глубокой древности. Обратите внимание на ее заботливость передавать вековые песни возрастающему поколению, на ее желание внушить девам страсть к народным играм, и вы увидите в ней посредницу между потомством и современностью, увидите в ее думах гения — блюстителя нашей народности. При всей этой важности хороводница

Б.М. Кустодиев
ЦВЕТЫ. 1924

считается у нас обыкновенною, простою женщиною, способною только петь и плясать. Так одно время могло изменить народное значение этого слова. Между нашими православными людьми соблюдается доселе почет к хороводнице: подарки сельских девушек, угощение матушек, безденежные труды отцов на ее поле. Это все делается во время

хороводных игр. В другое время она изменяет свой характер: делается свахою на свадьбах, бабкою-позываткою на пирах, за безлюдьем кумою на крестинах, плакушею на похоронах. Таков круг жизни, совершаемый русскими хороводницами. Кроме того, есть еще особенные отличия в хороводницах городских и сельских.

ПЕТРОВКАМИ

Иван Шмелев. Отрывок из книги «Лето Господне»

Петровки — пост легкий, летний. Горкин называется — «апостольский», «петро-павлов». Потому и постимся, из уважения.

— Как так не понимаешь? Самые первые апостолы, Петра-то-Павел, — за Христа мученицкий конец приняли. А вот. Петра на кресте язычники распяли, а апостолу Павлу главку мечом посекали: не учи людей Христову слову! Апостол-то Петр и говорит им: «Я креста не боюсь, я на него молюсь... только распните меня вниз головой!»

— Почему вниз головой?

— А вот. «Я, говорит, недостоин Христовой мученицкой кончины на Кресте», — у язычников так полагается, на кресте распинать, — «я хочу за Него муки принять, вниз меня головой распните». А те и рады, и распяли вниз головой. Потому и постимся, из уважения.

— А апостола Павла... главку ему мечом?.. А почему?

— Ихний царь не велел. Не то чтобы добрый был, а закон такой. Апостол Павел римский язычник был, покуда не просветился... да какой был-то, самый лютей! Все старался, кого бы казнить за Христово слово. И пошел он во град Дамаский, христиан терзать. И только ему к тому граду подходить, — ослепил его страшный свет! И слышит он из того света глас: «Савл, Савл! Почто гонишь Меня? Не сможешь ты супротив Меня!» Уж неизвестно, ему, может, и сам Христос явился в том свете. Он и ослеп со свету того. И постиг истинную веру. Крестился, и тут прозрел, святые молились за него. С той поры уж он совсем другой стал, и имя свое сменил, стал Павлом. И стал Христа проповедовать. А по пачпор-ту-то — все будто язычник ихний. А у римских язычников своих распинать нельзя, а головы мечом посекают. Ему главку и посекали мечом. Вот и постимся Петровками, из уважения.

Петровками у нас не строго. А пора летняя, и не говеем. Горкин только да Марьюшка соблюдают строго, даже селедочки не едят. А Домна Панферовна, банная сторожиха, та и Петровками говееет, к за-

утреням и вечерам ходит. Горкин тоже говел бы, да летнее время, делов много, — подряды, стройки... — ну, рождественским постом отгответ да Великим постом два раза обязательно.

На дачу мы не поедем, на Воробьевку, — мамаше нездоровится. Горкин мне пошептал, на приставастья с дачей: «Скоро, может, махонький братец, а то сестрица у те будет, вот и не нанимали дачу».

— Папашенька обещался на то лето в Воронцово дачу нанять, там и ягода всякая, и грибов что... и карасики в прудах, приеду к тебе — карасиков обучу ловить. Да чего нам с тобой дачу, у нас Москва-река под рукой. Выпадет денек потеплей, мы с тобой и закатимся погулять, белье вот повезут полоскать.

Петров пост
начинается через
неделю после Троицы,
а заканчивается
12 июля, в день
памяти святых
апостолов Петра
и Павла.
Продолжительность
его варьируется
в зависимости от
празднования Пасхи.

Н.П. Богданов-Бельский
ДЕТИ У КОСТРА

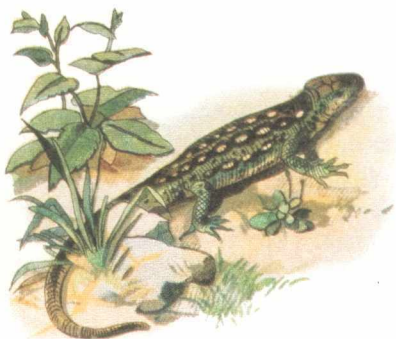
Икона
✦ АПОСТОЛЫ ПЕТР
И ПАВЕЛ. XVI век

Детские заклички

*Дождик, пуще припусти,
На пшеницу, на гречи,
На горох, на ячмень —
Поливай весь долгий день!
А на просо и на рожь
Поливай сколько хошь!*

*Дождик, дождик, пуще!
Дам тебе гущи,
Выйду на крылечко,
Дам огуречка,
Дам и хлеба каравай,
Дождик, пуще поливай!*

*Дождик, дождик, посильней,
Чтобы было веселей.
Мои гуси дома,
Не боятся грома.*

**Июль — макушка лета,
а декабрь — шапка зимы.**

Харчиков захватим, на травке посидим-закусим, цветочков-желтиков собираем, свербички пожужем... и рыбки живой прихватим у Дениса, у него всегда в садке держится про запас.

И вот выдался денек жаркий-жаркий, ни облачка на небе. Вот бы на Москву-реку-то! А сестрица Соня, как на грех, басню задала выучить. Я у ней большую коробку с бисером рассыпал. Заставила меня до единой бисеринки все пособрать да еще «Волка и Кота» выучить, большущую! Ну басня-то пустяки, я ее за час выучил отлично. Софочка даже не поверила: «Врешь, врешь!» — я ей и ответил, без запинки... а она: «Врешь, врешь! ты ее раньше, должно быть, знал!» — и опять за свое: «Изволь все, до бисеринки!» Хотел половой щеткой, сразу, а она... учительница какая! — «Нет, с пылью мне не нужно, а ты мне все по бисеринке соберешь, учишь терпению!..» И вдруг...

— Собирайся, милок, на дачу с тобой едем! — кричит под окном детской Горкин и велит Антипушке запрягать Смолу. — Кривая наша чего-то захромала, ноги у ней заплыли, от старости, пожалуй.

Я знаю, что это не «на дачу», а на Москву-реку, полоскать белье. Бисер еще не собран, но Горкин уж отпросил меня. Сонечка говорит: «Ну, уж беги, лентяюшка, бей баклуши». Лето у всех, а меня мучают, все каким-то экзаменом стращают, а до него еще года два, за два-то года все и помереть успеют, Горкин говорит.

Под навесом запрягают старика Смолу. Жалко старика, из уважения только держим. Ноги у него в наплывах, но до Москвы-реки нас дотащит. Все-таки животное существо, жалко татарину под нож отдать, и все-таки заслуженный, сколько всякого материальцу перевозил на стройки, и в Писании сказано — скота миловать. А на Москве-реке теперь живая дача, воздух привольный, легкий, ни грохоту, ни пыли, гуляй-лежи на травке, и огонек можно разложить, бутылки не загрозятся.

Горкин — в майской поддевичке, кричит молодцам выносить белье. Я бегу к Марьюшке. Она говорит: «Будя с тебя, Панкратыч, хлеба краюху взял, и луку зеленого, и кваску... какие еще тебе разносолы, Петровки нонче!» — и дает пирожка с морковью, из печи только. Едут с нами горничная Маша, крестница Горкина, и белошвейка Глаша, со двора, такие-то болтушки, женихи только в голове, — с ними нам не компания, пусть их свое стрекочут. Сидим с Горкиным впереди, правим, — со Смолой умеючи тоже надо. Можно и без пальтишки, теп-

лень, и Москва-река теперь согрелась, июнь месяц. По улице сапожники-мальчишки в окошко глядят, завидуют.

Невеселая жизнь сапожничья, — плотничья наша куда лучше! Как можно... — плотник и купальни ставит, и дачи строит, при живом дереве всегда, на воле, и сравнения никакого нет. А струмент взять: пила, топорик, струбцинка... и рубанки тебе, и фуганки, и шершебель... не сравнивать никак. Сапожник на «липке» весь век живет, а плотник — вольная птица: нонче он тут, а завтра под Коломну ушел... и со всяким народом сходишься, — как можно! А то старинные хоромы ломать в именьях... чего только не увидишь, не услышишь!..

Ехать недалеко. Сворачиваем налево вниз, на Крымок, мимо наших бань, по Крымскому валу, а вон уж и мост синее, сквозной, железный, а тут и портомойни. Слева, за глухим забором, огромный Мещанский сад: тянет прохладой, травкой, березой, ветлами... воздух-то какой легкий, птички поют, выводят свои коленца: зяблики, щеголки, чижи... — фити-фити-фью-у... чулки-чулки-паголенки! Кукушка вот только не кукует. По зорькам и соловьи поют, а кукушка — статья особая. Годов тому двадцать и кукушки тут куковали, а теперь беспокойно, к Воробьевке уж стали подаваться.

— Тут кукушке не удержаться, — говорит Горкин, — нелюдима она птица, характерная. У каждой птицы свое обычье. Малиновка вот, — самая наша, плотничья, стук любит и пилу-рубанок... тонкую стружку в гнездышко таскает. И скворец вовсе дворовый. Дро-озд? Какой дроздок... черный, березовик, не любит шуму. Его слушать — ступай к Нескушному, березы любит.

Чего только не знает Горкин! Человек старинный, заповедный.

Едем высоко, по валу. По обе стороны внизу зеленые огороды, конца не видно, направо — наша водокачка, воду дает с Москвы-реки. Ночью тут жу-уть, глухой-то-глухой пустырь.

— Застраивается помаленьку, теперь не особо страшно. А вот кукушки когда водились, тут к ночи не ходи!

— А что... разденут?..

— Это что — разденут... а то душегубы под мостом водились, чего только тут не было! Вон, будка у моста, Васильев-будошник там живет. Он человек законный, а вот годов двадцать тому, Зубарев тут жил-сторожил. Вот и приехали. Погоди ты, про Зубарева... распорядиться надо.

И.М. Прянишников
ДЕТИ НА РЫБАЛКЕ

Смола рад: травку увидал, скатывает весело под горку. Портомойщик Денис, ловкий солдат, сбрасывает корзины, стаскивает и Машу с Глашей, а они, непутевые, визжат, — известно, городские, набалованные. Ну, они своим делом займутся, а мы своим. Река — раздолье, вольной водицей пахнет, и рыбкой пахнет, и смолой от лодок, и белым песочком, москворецким. Налево — веселая даль, зеленая, — Нескучный, Воробьевка. Москва-река вся горит на солнце, колко глазам от ряби, защуришься... — и нюхаешь и дышишь всеми-то струйками: и желтиками, и травкой, и свербикой со щавельком, и мокрыми плотами-смолкой,

и бельцом, и согрившимся бережком-песочком, и лодками... — всем раздольем. До того хорошо, — не знаешь, что и делать. С Москвой-рекой поздороваться! Сидим на корточках с Горкиным, мочим голову.

— Кормилица наша, Москва-река... — говорит Горкин ласково, зачерпывая пригоршней, — всюто исплавали с папашенькой. И под Звенигородом, и под Можайском... самая сторона лесная, медведи попадают. И до Коломны спускались. И плоты с барками гоняли — сводили рощи, и сколько разов тонули... всего видано. Подрастешь вот — погоним с тобой плоты...

Петров день

12 июля (29 июня)

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Поселяне все свои наблюдения сохранили об этом в поговорках: «На Петров день и солнышко играет. — С Петрова дни красное лето, зеленой покос. — Женское лето по Петров день. — С Петрова дни и барашка в лоб. — С Петрова дни зорница зорит хлеб. — Петр и Павел два часа прибавил. — Утешили бабу петровские жары голодухой. — У мужика то и праздник, что Петров день. — Строй косы и серпы к Петрову дню, так будешь

мужик. — Не хвались, баба, что зелен луг, а смотри, каков Петров день». <...>

На Петров день бывают обетные угощения. Так, на Ваге и в Вельском уезде тещи приносят почетный сыр своим зятям во второй год бракосочетания. Зять угощает тещу при сборе всех родных. В степных селениях бывало в старину проводывание крестников. Кумы принашивали своим крестникам пшеничные пироги. В Тульской губернии

Б.М. Кустодиев
СЕНОКОС. 1917

Частушки

Люблю я в поляшко ходить,
Люблю я сено шевелить.
Как бы с милым повидаться,
Три часа поговорить.

Болят ножки от дорожки,
Болят ручки от косыбы,
Спиношка от жнивушки,
Сердечико от милушки.

Б.М. Кустодиев
НА ВОЛГЕ. 1922

сваты со стороны жениной родни угощали сватов ужином, что называлось у них «отводным столом».

Поселяне Тульской губернии выходят под Петров день караулить солнце, как оно будет играть на небе при восходе. Это верование, известное исландцам, сохранилось только в Тульской губернии. Поселяне всех возрастов собираются на пригорки, раскладывают огонь и в ожидании солнца проводят ночь в играх и песнях. Едва начинает восходить солнце, все испускают радостные клики.

Старики наблюдают, как солнышко играет по небу: оно то покажется, то спрячется; то взойдет

вверх, то опустится вниз; то заблещет разными цветами — голубым, розовым и белым, то засияет ясно, что ничьи глаза не стерпят. Молодые поют песню: «Ой, ладо! На кургане».

Петровские гулянья отправляются почти во всей Великой России с песнями, хороводами и релыными качелями. <...> Старики умываются из родника для здоровья, молодые веселятся. <...>

Поселяне замечают, что если на Петров день пойдет дождь, то сенокосы будут мокрые. В Тульской губернии говорят, что с сего дня перестают петь соловьи.

Преподобный Серафим Саровский

Дни памяти — 1 августа (19 июля) и 15 января (2 января)

Евгений Поселянин. Из рассказа «Детские годы Прохора Мошнина, впоследствии преподобного Серафима, великого Саровского старца»

Трудно представить себе человека, который в земной своей жизни так сильно напоминал о небе, как Саровский старец Серафим.

Все было в нем необыкновенно, особенно, непохоже на других людей.

Вот он идет, опираясь на суковатую палку, в неуклюжих больших кожаных чоботах, в тулупчике с дырами, подпоясанный полотенцем; с рук спускаются грубые кожаные четки, на нем мягкий клобук такой формы, как носили в старой Руси, плечи покрыты полумантийкой.

В этом древнем ослабленном старце — он и выпрямиться не мог, так как напавшие однажды на него в лесу разбойники сломали ему спину, — в этом древнем старце живет необыкновенная жизнённость. Со своими седыми волосами, затрудненной походкой, он светится какою-то непобедимой юностью... Голубые глаза пронзительно смотрят в душу всякого... Ангел, ангел...

Как же протекало детство старца Серафима, носившего в миру имя Прохора?

В том самом Курске, который был родиной отца русского монашества, преподобного Феодосия Киево-Печерского, родился Прохор 19 июля 1759 года. Отец его, Исидор Мошнин, брал на себя работы по каменным подрядам. Он строил обширный храм преподобного Сергия Радонежского, что ныне Курский собор. Не успел он докончить эту работу, как умер. Дело его после смерти продолжала вести его вдова, Агафья, женщина разумная и деловитая.

Мошнины были люди старозаветные и благочестивые. Тогдашние родители воспитывали детей в страхе Божиим. <...>

В чистых скромных комнатах, в углах теплятся, пред старыми тяжелыми иконами, лампы.

Всякий день Мошнина идет к обедне. Она отличалась особым благочестием. Любимым делом ее была забота о девушках-сиротах: их она выращивала и выдавала замуж, отпуская им необходимое приданое. Эту чуткость матери ко всякой нужде унаследовал и развил в себе великий ее сын.

Что-то необыкновенное чувствовалось в Прохоре. Господь приставляет к детям ангелов-хранителей. Часто эти ангелы, когда дети готовы куда-нибудь упасть, поддерживают и спасают их. Но ни над кем в детстве не выказалась столь ясно сила охраняющего ангела, как над маленьким Прохором Мошниним.

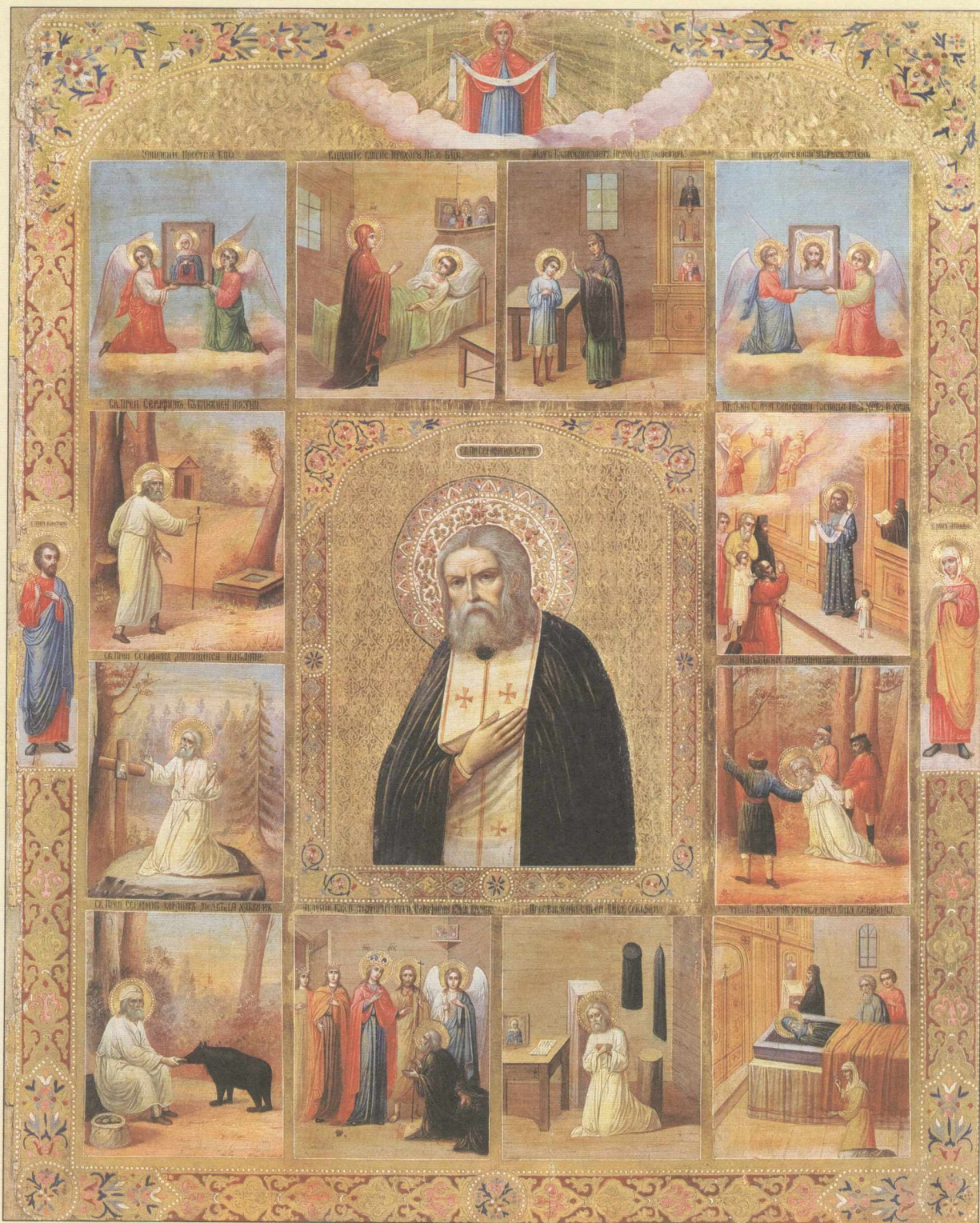
Довершая начатое мужем дело, Агафья достраивала высокую колокольню Сергиевского собора. Как-то пошла она осмотреть ее и взобралась до верхнего яруса. Перил еще не было там устроено. Прохор увязался за матерью. По живости своей, подбежал к самому краю, перевесился и стремглав полетел на землю. Что переживала в это время бедная мать!

Не помня себя от ужаса, бросилась она бежать вниз по лестнице, чтобы подобрать, не трупик, а лишенный всякого образа мешок с костями: все, что должно было остаться от ее сына... Спустившись вниз с остановившимся сердцем, выступила она из каменного строения наружу. Не верит своим глазам, думает — наваждение: Прохор весело бежит к ней навстречу... Сон... Но нет, не сон, его голос зовет ее: «Мамка, мамка!»

Никогда, до последнего издыхания своего, Агафья Мошнина не забывала этого часа, и, быть может, когда взглядывала она на своего сына, ей казалось, что за плечами у него трепещут белые крылья...

Когда Прохора стали учить грамоте, он принялся за дело с большой охотой, быстро стал он

успевать в учении, как вдруг — занемог. Тут снова проявилось над ним великое Божие чудо.

Прохор увидел во сне Пресвятую Богородицу. Она обещала посетить мальчика и излечить его. Сновидение свое Прохор рассказал матери. Как-то вскоре крестным ходом несли по Курску чудотворную Коренную икону Божией Матери. Несли ее по той улице, где стоял дом Мошниных. Ударил сильный ливень. Для сокращения пути крестный ход свернул через дом Мошниных. Агафья воспользовалась этим случаем и поднесла к иконе больного мальчика. После этого он стал поправляться и скоро совсем выздоровел.

Прохор был рослый ребенок с живыми, голубыми блестящими глазами. Он был острый умом, впечатлительный, владел прекрасной памятью, был кроткий и благонравный мальчик.

До сих пор хранится память в Курске о том, что Прохор Мошнин избегал шумных игр со сверстниками. Он предпочитал читать Священное Писание и постоянно ходил в церковь. Любил он зазывать к себе ребят своего возраста и читать им духовные книги. <...>

Сердцем чуяла умная мать Прохора, что не жилец ее мальчик в миру, что иная ждет его доля. <...>

Осторожно, чтобы не огорчать мать, и постепенно Прохор старался вызнать мысли матери, пустит ли она его в монастырь. Он мог заметить, что противодействия не будет, и стал прямо заговаривать об этом предмете. С ним вместе пять человек из курской купеческой молодежи решили начать иноческую жизнь.

Представим себе картину из святых отроческих дней юного Прохора.

Над старым именитым городом Курском раскинулась теплая ласковая ночь. Горят, мигают в небе звезды, полные каких-то высоких мыслей, сияет в небе неугасимая, непреходящая Божия слава. Среди утихнувшего города, в затихшем доме Мошниных, тихие бесстрастные огоньки лампад озаряют темные лики икон.

Бережно, чтобы его кто-нибудь не услышал, подобрался Прохор к иконам, опустился перед ними на колени, смотрит, благоговееет, молится без слов. Полна душа веры, полна душа восторга.

«Господи, Господи, Ты столько сделал для нас!.. Хотел бы воздать Тебе хоть малым. Хотелось бы предаться Тебе, одного Тебя только видеть в жизни, Тобою радоваться, Тебе служить... Чем мне воздать Тебе? Возьми Себе мою жизнь, отдаю ее Тебе всю: чувства, мысли, желания, порывы, мечты — Тебе, Тебе Одному...»

На с. 249:
Икона ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ
XX век

◀ Богомольцы на пути
в Саров

Ш.К. Башелье
▶ ВИД САРОВСКОЙ
ПУСТЫНИ

И ночь длится... И радость и жажда жертвы все сильнее и сильнее заполняют непорочную, не познавшую мирского зла, юную душу.

И ангел взлетает над молящимся отроком, и чудный таинственный голос нарекает над ним то имя, которое прогремит потом по всей Руси: «Серафим, Серафим...»

Когда пришло время расставания с матерью, сперва по русскому обычаю все посидели. Потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги. Она дала ему приложиться к иконам Спасителя и Богоматери, потом благословила его большим медным крестом. Этот крест хранил он как величайшую святыню, никогда не снимал его с себя, носил открыто, иногда поверх одежды. С ним же он и скончался.

И вот Прохор в Сарове.

Саровская пустынь, далекая от больших дорог, затерянная в глубине темниковских лесов, отлича-

лась строгою жизнью иноков. В ней прожил Прохор полвека в великих подвигах. <...>

Во время жизни его отшельнической в Саровском лесу к нему приходили медведи, которых он кормил хлебом из своих рук. Тысячу ночей и тысячу дней молился он, стоя неподвижно на двух камнях под открытым небом, а днем — у себя в келье. <...>

Небо стало для него родным и близким. Он жил на земле, как бы в небе. После дивной жизни он скончался тихо, уединенно 2 января 1833 года. Он был найден отошедшим, стоя на коленях в своей келье пред иконой Божией Матери.

И все, что сияло русскому миру в лице старца Серафима, что горело в нем самом и грело своим огнем других, — все это выросло из тех семян, которые заложены в душу Прохора Мошнина его праведной матерью.

Слава праведной наставнице и великому ее сыну!